

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЕЙ М. Н. ШМЕЛЕВОЙ И С. И. ВАЙНШТЕЙНА ПО ПРОБЛЕМАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ *

А. М. Решетов (Ленинград)

Уже из названий статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна видно, что на обсуждение вынесен один из самых актуальных вопросов этнографической науки — вопрос о полевой работе. Полевой материал, как известно, — важнейший этнографический источник, а расширение источниковедческой базы исследования должно заботить любую науку. Со всей остротой этот вопрос встает сейчас перед этнографией. Каждый этнограф знает, что многие этнографические факты быстро уходят из жизни: то, что можно зафиксировать сегодня, завтра может в лучшем случае остаться только в памяти старшего поколения, а то и исчезнуть для науки навсегда. Давно пришло время осознать эту опасность и перейти от разговоров и призывов к делу. Иначе будет поздно даже провозносить призывы, придется просто признать, что мы опоздали.

Конечно, наукой в результате кропотливой, напряженной работы многих поколений этнографов накоплен значительный материал. Но задача сегодня — не перечислять достижения (ими действительно можно гордиться!), а, трезво оценив обстановку, целеустремленно пойти вперед.

В статьях М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна поднят широкий круг вопросов, касающихся изучения традиционно-бытовой и современной культуры народов СССР. В этой связи хотелось бы высказать свое отношение к наиболее важным из них.

Учитывая, что в наше время быстро исчезают не только многие элементы, но даже и виды традиционной культуры (это процесс естественный, закономерный и потому неизбежный), следовало бы, как представляется, разработать единый общесоюзный перспективный план полевых этнографических исследований с целью координации работы всех учреждений, независимо от их ведомственной принадлежности. Исследования должны проводиться по единой программе, обеспечивающей изучение как отдельных компонентов, так и всех сторон культуры данного этноса или всех этносов, живущих в изучаемом регионе. Думаю, что здесь нет необходимости говорить о важности изучения целого для правильного понимания единичного.

Особое внимание при этом должно быть обращено на обеспечение междисциплинарного характера исследований. Этнографы без помощи других специалистов не в состоянии профессионально изучить народные медицинские знания, народную музыку, спорт, этикет, педагогику, метеорологию, ботанику и т. д. Надо определить первоочередные задачи, выявить те «белые пятна» в изученности того или иного компонента культуры, о которых пишет С. И. Вайнштейн, сконцентрировать усилия на сборе материала по наиболее быстро исчезающим элементам и видам культуры. Однако еще раз подчеркну, что, поскольку, речь идет о плановой организации работы, изучена должна быть все-таки традиционная культура в целом.

* Статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна см.: Сов. этнография, 1985, № 3; при ссылках на эти статьи в тексте указывается лишь страница. Обсуждение статей см.: Сов. этнография, 1985, № 4, 5.

Осуществление общесоюзного перспективного плана обеспечит прежде всего фиксацию и накопление полевого этнографического материала. Разумеется, он должен быть тщательно оформлен и храниться соответствующим образом. Едва ли сегодня при острой нехватке кадров так уж актуально организовывать поиски архивного материала или обрабатывать для издания музейные коллекции. Надеюсь, что мои слова не будут поняты как призыв заниматься исключительно сбором и обработкой полевого материала; я говорю о разумно составленном едином общесоюзном плане полевых этнографических исследований, учитывающем, разумеется, наличие и актуальность других планов, других видов научной деятельности.

Для организации работ по единому общесоюзному плану надо, как мне представляется, учесть имеющиеся научные силы (сотрудники различных институтов, лабораторий, музеев) и возможности финансирующих организаций (новостроечные объекты, различные общества, в том числе и общества по охране памятников истории и культуры).

С. И. Вайнштейн обращает внимание и на необходимость совершенствования методики полевых исследований (с. 57). К сожалению, этот вопрос пока не был предметом специального обсуждения, более того, создается впечатление, что о нем просто забыли. Как-то незаметно сложилась практика недооценки обучения методам полевого исследования. А ведь каждый этнограф обязан уметь работать в поле, точнее, должен быть обучен приемам непосредственного наблюдения, изучения в полевых условиях этнографической действительности, правильного оформления полученного материала. Не следует думать, что навыки полевой практики приобретаются с университетским дипломом или с зачислением в штат этнографического учреждения. Даже просто задавать вопросы информатору — уже большое искусство. Известны случаи (и С. И. Вайнштейн говорит о них), когда исследователь так ставит вопрос информатору, что получает от него именно такой ответ, какой ему хочется. А ведь это совершенно недопустимо! Выезд аспиранта на один месяц в поле на практику — всего лишь приблизительная прикидка, проверка его возможностей вести исследования в поле. К сожалению, у нас не все аспиранты проходят даже этот профессиональный минимум, а уж если они хотя бы один раз побывали в поле, то сразу получают возможность самостоятельных выездов и даже ставятся во главе отрядов. Полевая этнографическая работа — это и особый дар, и, конечно, наука, которой овладевают в процессе учебы у опытных мастеров и самостоятельной практики. Я, например, с благодарностью вспоминаю Н. Н. Чебоксарова, Г. Г. Стратановича и Е. Д. Прокофьева, у которых мне довелось учиться полевой работе. Когда летом 1962 г. мне посчастливилось по приглашению Е. Д. Прокофьевой поехать к селькупам, первое время мы работали только вместе. Перед самостоятельным выездом на Сайготинские пески для изучения рыболовства у селькупов мы несколько вечеров до мелочей обсуждали, как надо там держаться, что и как наблюдать, на что обратить особое внимание и т. д. После моего возвращения и рассказа о поездке Е. Д. Прокофьева подробнейшим образом разбирала со мной собранные материалы. Иногда такое обсуждение проходило при селькупах, которые живо включались в него, делились своими соображениями и знаниями, и это было очень ценно, так как мы на месте еще и еще раз могли проверить правильность тех или иных сведений¹. Думается, что этнографы, работающие в зарубежных секторах, тоже должны иметь солидную полевую практику (хотя бы в нашей стране), которая пригодится, если им представится возможность проведения полевых исследований за рубежом и уж во всяком случае об-

¹ К сожалению, у нас крайне мало публикаций, посвященных опыту и методике полевой работы крупных этнографов, таких, как С. М. Абрамзон, В. В. Антропова, В. Н. Белицер, Г. М. Василевич, Н. А. Кисляков, Н. И. Лебедева, М. Г. Левин, Е. М. Пещерева, А. А. Попов, Е. Д. Прокофьева, Г. Г. Стратанович, Л. Н. Терентьева, С. П. Толстов, Е. М. Шиллинг и многие другие. А как были бы полезны для начинающих исследователей такие публикации!

легчит изучение опубликованных материалов, собранных другими учеными.

Мне представляется не вполне правильным рассмотрение «непосредственного наблюдения» и «опроса» как двух самостоятельных методов полевых исследований. Разделять их стали, видимо, вследствие сокращения сроков экспедиций и индивидуальных поездок: ведь нередко пребывание в конкретном пункте составляет всего несколько дней. Но и в этом случае целесообразно, на мой взгляд, строить опрос (хотя и заранее запрограммированный) в свободной форме, обязательно отталкиваясь от наблюдений, от реальности.

По мнению М. Н. Шмелевой, с которым нельзя не согласиться, «наблюдения, как и вся полевая работа в целом, чтобы не стать поверхностными, должны быть достаточно длительными»; при этом «наиболее удобной формой полевой работы для многоплановых длительных наблюдений является устройство сравнительно долго действующих стационаров» (с. 50, 51). Когда-то такие стационары были распространенной формой организации полевых исследований. Вспомним работу среди изучаемых народов Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, Е. П. Орловой, А. А. Попова, В. И. Цинциус, Г. М. Василевич, Н. А. Кислякова и многих других². Конечно, длительные наблюдения в условиях сравнительно долго действующих стационаров дают хорошие результаты. Однако нельзя отрицать и значения сезонных выездов. Известно, что сезонность прежде определяла весь ритм жизни населения (особенно сельского), влияла на его хозяйство и культуру. Сезонность и теперь воздействует на образ жизни сельского и городского населения. Поэтому наверняка продуктивнее, например, изучать зимние хозяйственные занятия жителей определенного региона или зимние календарные праздники и обряды именно зимой, а не в ставшие традиционными для полевых выездов летние месяцы. Потребуется, по всей вероятности, определенные организационные мероприятия, чтобы утвердить принцип если уж не длительного стационара, то хотя бы сезонности.

Хотелось бы остановиться еще на вопросе об оснащенности экспедиций. И наблюдение, и опрос дадут гораздо больший эффект, если их проводить с использованием современных методов фиксации материала: фото- и кинотехники, средств звукозаписи и т. д. Известно, что русские этнографы уже в начале XX в. широко пользовались названными средствами, хотя последние были тогда довольно примитивными. А как обстоит дело сегодня? К сожалению, современные способы фиксации используются явно недостаточно. В этнографии специалистов-фотографов можно пересчитать на пальцах одной руки: С. М. Дудин, А. В. Маторин, Ю. А. Аргиропуло, С. Н. Иванов... Фильмы снимают А. В. Оськин, А. Ю. Петерсон, А. Х. Слапиньш... Этнограф-полевик самостоятельно определяет (с учетом имеющихся в учреждении технических средств) и материал, который будет фиксироваться, и способы его фиксации — никаких требований в этом плане ему никто не предъявляет. Правильно ли это?

Остро стоит вопрос и о программах исследований. Прежде даже в провинциальных журналах печатались программы для сбора полевых этнографических сведений³. Нельзя сказать, что составлению программ

² Гаген-Торн Н. И., Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975, с. 159—211; Гаген-Торн Н. И., Решетов А. М. Памяти Е. П. Орловой. — Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук, № 1, вып. 1, 1978, с. 163, 164; Решетов А. М. Памяти Е. Д. Прокофьевой. — Там же, № 11, вып. 3, 1979, с. 188, 189; [Николай Андреевич Кисляков]. — Советская этнография (далее — СЭ), 1974, № 3, с. 186—189.

³ Как показали советские исследователи, первые попытки составления этнографических программ относятся к самому началу XVIII в. Они создавались если не при непосредственном участии Петра I, то уж во всяком случае по его распоряжению. Велика роль В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера в подготовке специальных программ и анкет по этнографии. Об этом подробнее см. Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (По материалам этнографических музеев Академии наук). Л.: Наука, 1978, с. 16—26. В дальнейшем многое сделано для разработки этнографических программ Русским географическим обществом и его отделениями на местах. См., например: Несколько вопросов по сравнительному изучению животного и мифического эпоса у наро-

в дальнейшем не уделялось внимания. Было издано немало инструкций, сыгравших положительную роль в накоплении этнографических материалов⁴. Однако целенаправленной работы по составлению программ, к сожалению, не проводилось. Вместе с тем давно ощущается потребность в научно разработанных программах, позволяющих получать сопоставимые данные; такие программы особенно нужны начинающим этнографам. С. И. Вайнштейном уже приводилось справедливое высказывание Н. И. и С. М. Толстых: «Практически вопросники, вообще если они используются, создаются самими собирателями совершенно стихийно и интуитивно. Между тем это важная методическая проблема. Вопросник всегда отражает ту или иную предварительную систематизацию и даже интерпретацию материала. От него зависит не только полнота, но и качество собранных данных»⁵.

В дискуссии прозвучало также очень дельное предложение о созыве специальной научной конференции, посвященной проблемам методики полевых исследований традиционных культур народов СССР. Эти проблемы всегда оценивались как особенно актуальные. Как не вспомнить практику организации полевой работы на географическом факультете Ленинградского гос. университета. В свое время под руководством В. Г. Богораза там работала специальная комиссия, занимавшаяся студенческими этнографическими поездками. Известный ученый уделял ей большое внимание и даже сам редактировал собранные студентами материалы⁶. Советские этнографы неоднократно обращались к проблеме совершенствования и развития методов изучения культуры и быта народов СССР⁷. Было бы в высшей степени полезно разработать эту про-

дов Севера Сибири/Сост. Г. Н. Постанин.— Приложение к Изв. ИРГО, т. XVI, вып. 2, СПб., 1880, с. 1—3; В том же году ИРГО изданы: Программа для собрания местных этнографических сведений; Программа для исследования поземельной сельской общины; Инструкция для изучения сравнительной психологии, составленная по Монтегашии, Гилиоли и Летурно В. Н. Бензенгром; Программа по сравнительной психологии Герберта Спенсера. См. также: Руководство для собрания сведений о крестьянских постройках/Сост. Харузин Ал. СПб., 1902; *Козьмин Н.* Вопросник по наблюдению явлений хозяйственного порядка.— Бурятияведение, № 2, Верхнеудинск, 1926, с. 39—42; *Хороших П.* Программа для собрания сведений по одежде и обуви бурят.— Там же, с. 43—45.

⁴ После Великой Октябрьской социалистической революции программы и анкеты по этнографии составлялись на принципиально новом методологическом и методическом уровнях. См., например: Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках. Изд. 2-е. Л., 1934; *Винников И. Н.* Программа для сбора материалов по системам родства и свойства. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936; *Абрамзон С. М.* (сост.). Программа для сбора этнографических материалов. Фрунзе, 1946; *Читай Г. С.* Принципы и метод полевой этнографической работы.— СЭ, 1957, № 4, с. 24—30. В связи с подготовкой Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана опубликованы ценные методические материалы: *Васильева Г. П., Махова Е. И.* Инструкция по сбору материалов по жилищам сельского населения Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во вост. литературы, 1958; *Махова Е. И., Руслякина С. П.* Инструкция по сбору материалов по теме «Одежда народов Средней Азии и Казахстана». М., 1958; *Кисляков Н. А., Сазонова М. В.* Программа для сбора материалов по теме «Земледелие и ирригация».— В кн.: Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Методические материалы. М., 1967, с. 31—42; *Абрамзон С. М.* Программа для сбора материалов по теме «Животноводство».— Там же, с. 43—65; *Басилов В. Н.* Вопросник для сбора материалов по земледельческой и скотоводческой обрядности.— Там же, с. 66—69; Программа для комплексных фольклорных экспедиций/Сост.: *Вертков К. А., Гусев В. Е., Земцовский И. И., Ощурко Л. В., Чистов К. В. М.*, 1971. Историки также отмечают важность материала, получаемого от информаторов. См., например, *Луи де Йонг.* Историк и интервью.— XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16—23 августа 1970 г. М.: Наука, 1970.

⁵ Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры.— СЭ, 1984, № 4, с. 78.

⁶ *Кулешова Н. Ф.* В. Г. Тан-Богораз. Минск: Изд-во Белорусского ун-та, 1975, с. 109. Попутно замечу, что этнографы географического факультета Ленинградского университета в свое время выступили пионерами в изучении социалистического строительства в русской деревне.

⁷ *Маслова Г. С.* Проблемы и методы изучения материальной культуры (опыт работы советских ученых).— Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 5. М.: Наука, 1970; *Брук С. И., Рабинович М. Г.* Историко-этнографические атласы.— СЭ, 1964, № 4, с. 102—117; *Громов Г.* Методика этнографи-

блему на современном уровне⁸. Надо, видимо, и пропагандировать имеющийся положительный опыт, например методику сбора полевого этнографического материала Государственным этнографическим музеем Эстонской ССР⁹.

И еще одно замечание. Вызывает тревогу то обстоятельство, что рекомендации (даже решения!) далеко не всегда реализуются и отмеченные пробелы слишком медленно восполняются. Ведь еще в 1961 г. на типологических картах «Историко-этнографического атласа Сибири», как отмечал С. И. Вайнштейн, были указаны территории, где у коренного населения остались неизученными транспортные средства, жилища, одежда, орнаментальное искусство, верования и др. (с. 54), но и к 1985 г. некоторые из этих «белых пятен» не ликвидированы. В 1968 г. участниками всесоюзной этнографической сессии ставился вопрос о необходимости проведения специального совещания, посвященного методике полевых исследований¹⁰, а совещание, насколько мне известно, так и не состоялось. В 1976 г. Ю. В. Бромлей подчеркивал целесообразность создания единой программы по изучению современных этнокультурных процессов, общественного и семейного быта, комплексного взаимодействия культур народов СССР¹¹, — программы же такой до сих пор нет. Да и со времени упоминавшегося призыва Н. И. и С. М. Толстых создавать вопросники-программы прошло уже более года.

Хочется надеяться, что начатый журналом серьезный разговор о проблемах полевых исследований не ограничится только их обсуждением. Время мчится неумолимо, и чем дольше мы не будем принимать кардинальных мер, тем больше потеряем материала. Потеряем навсегда.

ческих экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966; Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований. Доклады на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов (февраль 1970 г.). М., 1970.

⁸ Ср., например, Методика полевых археологических исследований. М.: Наука, 1983, 77 с.

⁹ Работа Этнографического музея с корреспондентами и школами. Таллин: Валгус, 1973; Петерсон А. Ю. Вопросы методики этнографических кино съемок. М.: Наука, 1973; Линнус Ю. Участие студентов в сборе этнографического материала. — *Etnograafiamuuseumi aastaraamat*. Tallinn, 1984, № 35, с. 35—44; Эйслер Х. Сотрудничество Этнографического музея с корреспондентами и школами в 1976—1980 гг. — Там же, с. 54—67.

¹⁰ Полищук Н. С. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1967 г. — СЭ, 1968, № 5, с. 142.

¹¹ Жилина А. В. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1974—1975 гг. — СЭ, 1976, № 6, с. 127.

О. Р. Будина [Москва]

Несмотря на то что экспедиционная работа в современном городе ведется советскими этнографами уже в течение нескольких десятилетий и результаты ее стали достоянием науки¹, до сих пор не только в этнографической среде, но и среди коллег иногда можно столкнуться с представлением о том, что город — это объект, к которому мало применимо этнографическое исследование.

Поэтому, хотя М. Н. Шмелева в своей статье, посвященной этнографическому изучению современности, наряду с проблемами работы в сельской местности уделяет внимание и городской этнографии, мне все же хотелось бы специально остановиться на некоторых вопросах полевых исследований в современных городах. Прежде всего приходится напомнить, что город, будучи во всех отношениях более сложным по сравнению с селом организмом, отнюдь не лишен в своих культурно-бытовых проявлениях этнической специфики. Это подтвердили проведенные к настоящему времени исследования городского населения. Кроме того, при анализе бытовой культуры горожан именно в силу особенностей формирования городского населения и других характерных черт

¹ Обзор соответствующих работ см.: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Этнографическое изучение города в СССР. — *Сов. этнография*, 1977, № 6.

городской жизни перед исследователем нередко возникают интересные и более сложные в исследовательском плане задачи определения путей формирования тех или иных культурных явлений, сочетающих в себе элементы разного происхождения как во временном, так и в социальном и этническом отношениях.

Сложность иного порядка, также связанная со спецификой городского поселения—его масштабами, структурой, характером занятости и расселения жителей, состоит в трудоемкости проведения полевых исследований в городах. Эти трудности удастся преодолевать, противопоставляя им в основном отлаженные и интенсивные методы работы. Так, при изучении города еще более настоятельно, чем при изучении села, требуется максимальное использование предэкспедиционного периода для подготовки рабочей гипотезы, необходимого инструментария и т. д. Собственно, в «поле», где много времени приходится уделять сбору обычно обширных и сосредоточенных в разных городских учреждениях материалов, очень важно немедленно организовать «пути обретения» нужного в соответствии с программой исследования контингента информаторов. В городе такие пути оказываются значительно длиннее, чем в селе (как в буквальном, так и в переносном смысле) в связи с психологическими трудностями, возникающими у исследователя из-за известной анонимности городской жизни.

«Открывать городские двери» во многом помогает следование этнографической этике — думается, так можно назвать выработанные поколениями этнографов-полевиков принципы поведения в «поле». Основной из этих принципов, очевидно, состоит в том, чтобы в информаторе (респонденте, этнофоре) видеть не абстрагированного носителя традиций, а индивидуальность, судьба и жизненный опыт которой для исследователя, а через него и для науки в целом, представляет ценность и безусловный интерес. Основанное на подобном отношении общение с населением (наряду с разъяснением, какие цели преследует этнографическая наука) помогает нашим собеседникам ощутить значительность собственной и текущей вокруг жизни, что в свою очередь способствует творческому включению их в работу. А это и дает возможность получить в городе материал по многим интересующим нас вопросам отнюдь не менее полноценный, чем в селе. Кстати, в процессе такой работы и обнаруживаются знающие, одаренные люди, своего рода эксперты в той или другой области (либо в целом) городской жизни, талантливые рассказчики, повествования которых бывают насыщены ценной в культурно-бытовом отношении информацией и характеризуют определенную эпоху. Как справедливо заметила М. Н. Шмелева (к подобному мнению не раз приходили и другие этнографы, обмениваясь впечатлениями после очередного полевого сезона), публикация таких рассказов представляла бы значительный интерес. Для этого их, естественно, следует возможно точнее и подробнее фиксировать в поле.

Что касается способов собирания этнографического материала, нужно отметить, что, хотя в принципе они не различаются в городе и селе, их сочетание в городских условиях бывает более разнообразно. Так, для получения представительного материала о бытовой культуре населения современного города приходится пользоваться несколькими видами единиц обследования. Это непременно производственные коллективы, обычно несколько коллективов разного профиля, которые могли бы в достаточной мере отразить хозяйственно-экономические и социальные особенности данного города. Параллельно с этим в качестве подобных единиц выступают общественные организации, как непосредственно связанные с производственными коллективами, так и основанные на других принципах (например, уличные комитеты, женсоветы, различные общества по интересам и т. д.). Кроме того, обследованию всегда подвергаются такие территориальные единицы, как улица, квартал, район и др. В свою очередь каждый из этих методов может быть обращен на семью и сочетаться таким образом с посемейным обследо-

ванием. Все эти методы и их сочетания могут применяться в городах, независимо от того, изучается крупный город или небольшой. Хотя, конечно, в большом городе задачи усложняются из-за количества и разнообразия единиц обследования и их необходимых сочетаний.

Традиционная культура и ее древнейшие компоненты несомненно должны подвергаться пристальному и квалифицированному изучению, о чем пишет в своей статье С. И. Вайнштейн. Вместе с тем в практике полевых исследований надо, видимо, уделить особое внимание тому, чтобы направленное изучение таких компонентов традиционной культуры не вызывало бы их изолированного от сегодняшней культурно-бытовой ситуации рассмотрения. Ведь любой, даже самого древнего происхождения памятник материальной либо духовной культуры, доживший до наших дней, присутствует так или иначе в современной жизни и несет в быту определенную функцию. При этом и в функционировании, и в содержании такого памятника по сравнению со временем его создания и бытования (иногда очень длительного) происходят серьезные изменения.

Приведу примеры из недавней полевой практики. В 1983 г. участники Городского отряда Восточнославянской экспедиции, работая в г. Галиче Костромской области, обнаружили явление, которое расценили как восходящее к древнейшим слоям традиционной культуры. В одной из частей города на ул. Олюшинской (бывшая д. Олюшино, позднее вошедшая в городскую черту) знают, как случайно выяснилось, праздник «ярилки» или «яриловку».

Из литературы известно, что следы празднеств в честь языческого бога Ярилы отмечались в этих местах в XIX—начале XX в.² Поэтому находка для нас была весьма неожиданной, и мы постарались возможно полнее собрать материал об этом явлении: в день «ярилок» побывали на Олюшинской улице, где получили информацию от ее жителей (разного возраста и социального статуса), а также на ближайших улицах. В течение всей дальнейшей работы в городе во всех группах населения, с которыми приходилось работать, задавали вопрос по поводу «ярилок».

Выяснилось, что «ярилки» ежегодно празднуются на Олюшинской улице. В этот день бывает домашнее застолье, на которое приглашаются гости, гуляние у пруда с ряжеными и гармошкой. Характерно, что на памяти наших собеседников состав праздника менялся в сторону сокращения его общественной части (прежде более развернутой была игровая часть, устраивали «потопление» в пруду и т. д.). Объяснить значение этого праздника жители Олюшинской улицы, являющиеся так или иначе его участниками, не могли. Наши собеседники сообщали лишь, что «ярилки» — исключительная и извечная достопримечательность их улицы. Локально, как мы убедились, это явление крайне ограничено. «Ярилки» по существу знают лишь жители Олюшинской улицы и те немногие гости, что бывают у них в этот день. За пределами улицы либо ничего не знают о «ярилках», либо слышали «что-то о каком-то таком празднике». Даже краеведы считают, что последние «ярилки» в Галиче были в 1920-е годы.

Таким образом, «ярилки» в том виде, в каком мы их обнаружили, — это «осколок» культурно-бытового проявления языческих верований ушедших времен; иначе его нельзя назвать, так как идеологическая основа праздника исчезла, состав и функции его на протяжении длительного бытования постепенно менялись и сокращались. Это явление, будучи весьма интересным с разных точек зрения для исследователя и составляя некоторую принадлежность домашнего и общественного быта небольшого круга жителей Галича, в целом в современной общественной жизни имеет очень ограниченное значение и лежит где-то на ее периферии.

² Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды у русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979, с. 250—251.

Не выходя за пределы Галича, приведу также пример из другой области бытовой культуры — материальной. Галич Костромской области среди древних русских городов замечателен и тем, что на его территории до сих пор находятся следы трех сооруженных в разных местах укрепленных крепостей³. Позднейшая из них, построенная, судя по археологическим данным, между серединой XV и серединой XVI в., была расположена в нынешней центральной части города. От нее сохранились (довольно хорошо) земляные валы и остатки рвов, представляющих теперь два небольших пруда.

Если оценивать остатки этого укрепления как памятник культуры, необходимо признать, что он подвергся большому разрушению и по нему, вероятно, лишь частично и условно можно реставрировать былую крепость. Вместе с тем этот памятник прошлого, полностью утративший свои прежние функции городского укрепления, продолжает функционировать совсем в ином качестве. Сейчас, как и в XIX в., валы, поросшие деревьями и травой, являются любимым местом гуляния горожан. Кроме того, вместе с прудами они составляют особенности городского ландшафта.

Итак, представляется, что в наше время наряду с указанной опасностью упустить из поля зрения исчезающее явление или в силу трансформации последнего, а также недостаточно совершенного инструментария неверно реконструировать прошлое, существует опасность исказить, а именно архаизировать действительность, если специально не задаться целью уяснить место изучаемого явления в современном быту.

Не останавливаясь специально на терминологических вопросах как выходящих за рамки настоящего обсуждения, отмечу все же, что употребление С. И. Вайнштейном понятия «старотрадиционная культура» (в отличие от традиционной) представляется нам слишком условным и вряд ли правильным. Об этом в какой-то мере свидетельствуют, в частности, приведенные здесь данные о состоянии и функционировании некоторых явлений культуры.

Хочется выразить также несогласие с рядом положений, высказанных В. И. Козловым (Сов. этнография, 1985, № 4).

Прежде всего это касается оценки открывших дискуссию статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна как не ставящих вопросов для обсуждения проблем полевой этнографической работы. Представляется, что, напротив, авторы статей без излишней навязчивости дают возможность для обсуждения широкого круга проблем и вопросов. И это очень хорошо! Одним из них, кстати, является вопрос об использовании этнографических кадров, на котором сосредоточивает внимание В. И. Козлов.

Далее, странным выглядит утверждение В. И. Козлова, что в первые десятилетия существования Института этнографии АН СССР, когда высококвалифицированными специалистами создавалось то, что теперь считается классикой этнографической науки, этнографы «работали кое-где, а фиксировали кое-что». Работали, как известно, там, где считалось целесообразным в то время, при этом много и интенсивно — так же, впрочем, как работают обычно и теперь в этнографическом поле.

В. И. Козлов возражает против «производственного подхода», о котором пишет М. Н. Шмелева. Но цель такого подхода — отнюдь не подмена работы экономиста или социолога, а прежде всего охват при этнографическом изучении (в частности, города, на чем я специально остановилась выше) всех групп населения, если это, конечно, требуется. Изучение семьи, в свою очередь, целесообразно вести в пределах этих групп.

Ограничение же этнографических исследований только домашним бытом дает неполное и неверное представление о бытовой культуре на-

³ *Раннопорт П. А.* Оборонительные сооружения Галича Мерьского.— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры. Вып. 77. М., 1959, с. 7—8.

рода, тем более, что и в семейных обрядах, приводимых в качестве примера В. И. Козловым, семейные и общественные начала обнаруживают тесную связь.

Г. Н. Симаков (Ленинград)

Статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна акцентируют внимание на двух основных направлениях полевых этнографических работ: изучении современных культурных и этнических процессов в единстве и взаимосвязи нового и традиционного и реконструкции (по воспоминаниям представителей старшего поколения) явлений культуры и быта, которые исчезли из этнографической реальности. Признавая важность обоих направлений, следует, однако, постоянно помнить, что с работами второго направления медлить нельзя. Ведь стариков-информаторов, способных пролить свет на исчезнувшие явления культуры и быта, с каждым годом становится все меньше.

Основываясь на своем 15-летнем опыте полевых исследований традиционной культуры у народов Средней Азии и Казахстана, позволю себе высказать некоторые соображения. Они будут касаться главным образом тех объективных трудностей, с которыми сталкивается этнограф, исследующий традиционную культуру и быт, во время кратковременных (1,5—2 месяца) маршрутных экспедиционных поездок.

Одной из важнейших задач при сборе материала опросным путем является, как известно, поиск информатора, который способен и готов наиболее полно сообщить исследователю интересующие его сведения, относящиеся обычно ко времени весьма отдаленному. Решая эту задачу, приходится учитывать, что, как правило, традиционная культура в более или менее неприкосновенном виде сохраняется в самых глухих, отдаленных от культурных и промышленных центров районах. В этих же районах лучше, чем, например, в городе и соседних с ним селениях, можно получить довольно полную информацию о тех явлениях, которые уже исчезли из реальной жизни. Иными словами, из двух информаторов примерно одного возраста и одинаковых интеллектуальных возможностей, живущих один в «глубинке», другой в крупном современном поселке или городе, последний знает о них несравненно меньше, так как переориентация на новый быт и новые жизненные установки, по-видимому, ускоряет процесс забывания явлений прошлого.

Задача поиска хорошего информатора всегда стояла перед этнографами-полевыми. Но еще 15—20 лет назад она решалась с меньшей затратой времени и усилий, чем теперь, так как в каждом поселке или в группе близлежащих поселков сравнительно легко удавалось найти одного либо нескольких стариков, которые в значительной мере отвечали требованиям исследователя.

После нахождения такого информатора возникает следующий вопрос: как осуществить качественный опрос по обширной теме с минимальной затратой времени, ибо маршрутная поездка ограничивает сроки пребывания в одном поселке или районе. Здесь возможны два пути: либо многочасовой опрос старика-информатора, что далеко не всегда удается, так как последний устает или просто не имеет времени для такой беседы; либо в нарушение собственного графика передвижения по маршруту исследователь вынужден задержаться в данном районе на несколько дней. Целесообразнее остановиться на втором варианте, ибо качественно собранный в одном районе материал во многих случаях предпочтительнее поверхностной информации, полученной во всех районах запланированного маршрута.

Способствует осуществлению качественного опроса заблаговременная организация работы с информаторами с помощью советских, партийных и хозяйственных организаций. Иногда этнографу удается зара-

нее сообщить руководству того или иного района о своем приезде и задачах, и тогда к моменту его приезда собирают стариков-информаторов из близлежащих и даже отдаленных поселков района. Пробный разведывательный их опрос на месте сбора позволяет выбрать одного или нескольких стариков-информаторов для работы. В таких условиях хорошие результаты дает беседа одновременно с несколькими информаторами — коллективный опрос; как правило, он отнимает меньше времени, чем работа с одним информатором, так как старики, отвечая на тот или иной вопрос, обычно дополняют и уточняют ответы друг друга. Кроме того, исследователь в случае необходимости имеет возможность тут же на месте проверить получаемые сведения. Коллективный опрос активизирует память информаторов, быстрее настраивает их на разговор. Однако такой опрос не может все же заменить длительных, систематических бесед с отдельным информатором, ведущихся после обстоятельного знакомства и «привыкания» друг к другу в спокойной, домашней обстановке.

Отсутствие нужного числа информаторов затрудняет возможность проверки материала, собранного во время кратких маршрутных поездок. Так, запишешь от знающего старика порой принципиально новые и интересные сведения, а проверить их в процессе дальнейшей работы не представляется возможным, так как сообщенный факт не подтверждается другими информаторами. Как относиться к таким единичным сообщениям? Ответить на этот вопрос может только сам исследователь, исходя из общего контекста бесед с данным информатором. В подобных случаях приходится полагаться на собственный опыт, подсказывающий степень доверия к полученным сведениям. Категорический отказ от единичных сообщений, существенно дополняющих полученный материал, в условиях острого дефицита сведений об ушедших из быта явлениях традиционной культуры нам представляется недопустимой роскошью. Разумеется, при публикации необходимо специально оговаривать единичность полученного сообщения.

Достаточно остро во время сравнительно короткой маршрутной поездки стоит вопрос налаживания контактов между информатором и исследователем, достижения непринужденной и естественной обстановки бесед. Тут, на наш взгляд, имеют место объективные моменты, которые значительно препятствуют созданию в короткие сроки рабочей атмосферы. Наиболее важные из них: занятость местного населения в сфере производства, в общественной работе, учебе, домашнем хозяйстве, менее острый, чем в прошлом, интерес к встречам с людьми иноэтнической принадлежности в связи с возросшей подвижностью населения страны, а также с развитием средств массовой информации. Все это затрудняет установление эффективных контактов с информаторами и, кроме того, оставляет меньше времени для их опроса. От исследователя требуется особое умение наладить в короткий срок контакт с информатором и провести качественный опрос. В этой ситуации использование традиционных вопросников и программ в процессе опроса, как и подробная запись информации во время беседы, отрицательно, на наш взгляд, влияют на ее результаты, так как быстро утомляют, а порой и настораживают информатора, навязывая ему непривычную и несколько искусственную форму разговора. Представляется, что программы и вопросники следует составлять тщательнейшим образом, но использовать лишь для овладения темой беседы, для ее планирования. Кроме того, никакая самая продуманная программа не в состоянии учесть тех неожиданных направлений, которые может принять конкретная живая беседа.

Мы имели возможность остановиться лишь на некоторых особенностях полевого исследования традиционной (в том числе и «старотрадиционной», по терминологии С. И. Вайнштейна) культуры во время краткосрочных (1,5—2 месяца) маршрутных экспедиционных поездок в 1970—1980-е годы в районы Средней Азии и Казахстана. Представляется, что краткосрочные маршрутные поездки с целью реконструкции прошлого становятся все менее эффективными. Работа исследователя-

полевика требует сосредоточенности, глубокого знания местных условий и свободной ориентации в них, наличия условий для неторопливого поиска, вживания в среду. На наш взгляд, успех в деле реконструкции исчезнувших явлений культуры и быта изучаемых народов возможен лишь при возобновлении продолжительных стационарных исследований, большой опыт которых накоплен советской этнографической наукой.

Н. П. Лобачева [Москва]

По мнению М. Н. Шмелевой, этнографы при изучении современности должны стремиться к получению не суммарных, а дифференцированных и детализированных конкретных данных, придерживаясь при этом принципа историзма, рассматривая явления в динамике и причинной взаимосвязи. И она несомненно права: лишь такое изучение может дать объективную картину действительности. То же можно сказать и об изучении традиционной этнографии, чему посвящена статья С. И. Вайнштейна. Однако в последнем случае собиратель ограничен степенью сохранности материала.

Обсуждение на страницах журнала вопросов о полевом исследовании современности, а также традиционной этнографии можно только приветствовать, так как в конечном итоге разговор идет о бережном отношении к нашему культурному наследию, об этнографических материалах как серьезном источнике для изучения культуры в широком смысле слова. Хотелось бы подчеркнуть ценность этнографических сведений для реконструкции социальных институтов древности, ранних форм религии, явлений материальной культуры, для «расшифровки» многих археологических находок. Причем сведения эти должны фиксироваться максимально подробно, так как при объективном исследовании какого-либо явления нет мелочей, все имеет значение, раскрывая ту или иную его сторону. Особое внимание должно обращать на такие сложные и давние по происхождению, многоэтапные и многоплановые по содержанию институты, как, например, обрядность, отражающая многие черты образа жизни, культурно-бытовые, этнические, социальные и другие установки и воззрения народа. Это определяется тем, что обрядность, связанная с конкретными событиями, представляет собой комплексы разнообразных по содержанию и происхождению действий (социального и религиозного характера), осуществляемых кругом причастных к этим событиям лиц. Так, в наши дни она служит в значительной степени показателем мировоззренческих установок индивида и даже семьи и индикатором религиозности населения в целом. Дело в том, что в начале XX в. официальный религиозный обряд был составной частью традиционного обрядового комплекса. Однако у разных народов, в разных социальных средах ему придавалось различное значение, причем со временем оно менялось. А в наших этнографических работах, даже специально посвященных традиционному обряду, вопрос о религиозном акте вырван из контекста обрядовой церемонии. О нем если и говорится, то отдельно, будто к традиционному комплексу он не имеет никакого отношения. Между тем очень важно выяснить роль религиозного обряда в традиционном обрядовом комплексе, поскольку в ряде мест он все еще выполняется какой-то частью населения. В связи с этим необходимо установить, в какое время и в какой обстановке совершался этот обряд, как изменился он по сравнению, например, с началом XX в., т. е. выявить динамику его развития. Следует установить также причины соблюдения религиозного обряда и отношение к нему населения, ибо нередко прослеживается тенденция совмещения конфессионального и национального. Этот аспект очень сложен, так как у известной категории лиц наблюдается стремление выдать за национальный чисто религиозный акт.

Религиозные включения в обрядность не всегда связаны с официальной религией. Традиционная обрядность в прошлом базировалась на элементах разнообразных древних верований. Выяснить, в какой мере, в каких формах и в какой среде (возрастной, социальной, этнической и т. д.) сохраняются пережитки древних верований очень важно для понимания мировоззрения населения, тем более что эти пережитки часто прослеживаются в бытовых формах той или иной религии в наши дни.

Обрядность является показателем сохранения или изживания несовместимых с социалистическим образом жизни пережиточных явлений социального порядка (в свадебном цикле это обычаи типа калыма, приданого, избегания; в похоронной обрядности — разорительные поминальные церемонии и т. п.).

Обрядность служит в известной мере и показателем культуры быта — свидетельством стирания социальных, этнических и других предрассудков и утверждения новых моральных и правовых установок, новых взаимоотношений в семье и обществе, утверждения социалистической культуры, сложившейся на базе общесоветской и прогрессивных элементов народной традиционной культуры. В целом обрядность характеризует как внутренний мир семьи, так и духовную культуру населения данного района, поэтому очень важно иметь самые подробные сведения о бытующих формах обрядовых церемоний.

При изучении современного состояния обрядности следует учитывать следующие обстоятельства: 1) У многих народов существует, постоянно трансформируясь, традиционная обрядность — совокупность обычаев и обрядов, объединяющихся в поэтапные комплексы (в брачно-свадебном цикле: выбор невесты и сватовство, переговоры о материальной стороне дела, закрепление договоренности — помолвка, свадебный праздник, послесвадебные обряды). 2) Происходит процесс складывания новых обрядовых форм, и, поскольку он еще не завершился, возможно бытование различных вариантов обрядов, связанных с одним и тем же событием, наличие переходных форм. Все их надо выявить, чтобы исследовать и эволюцию обряда от старого к новому, и степень утверждения последнего. 3) Новый обряд, особенно семейного цикла, обычно складывается на традиционной основе, в нем соединяются элементы трансформированной старой обрядности и новые ритуалы, создаваемые общественностью. 4) Формы обрядности меняются в результате как стихийного процесса, обусловленного изменением всех условий жизни в нашей стране, так и целенаправленной деятельности по созданию официальных гражданских ритуалов и новых праздников. Но гражданский ритуал — только одно звено обрядового комплекса, на которое можно активно воздействовать, остальные меняет сама жизнь, сам народ, происходит это медленнее и не всегда в желаемом русле. Поэтому надо проследить, как изменяются и другие звенья обрядового комплекса. О сформировавшемся новом обряде можно говорить лишь тогда, когда все этапы его пережили существенные изменения и соответствуют социалистическим морально-этическим и мировоззренческим установкам. При этом существенно выявление и негативных тенденций, которые наблюдаются в общем процессе складывания новых форм культуры и быта (помпезность, мещанство, погоня за престижностью).

В целом задача заключается в том, чтобы проследить не только изменения обрядности на каждом историческом этапе, но и понять, чем они непосредственно вызваны, отвечает ли данный традиционный обряд или обычай современным условиям. Если теперь, например, сватовство не имеет несовместимого с советской моралью характера, то обычай приданого и пережиточно сохраняющийся в отдельных районах обычай калыма (выступающий обычно под другим названием) играет, как и прежде, отрицательную роль. Калым, как и сватовство, тоже изменил свое содержание. Раньше он был платой за невесту ее родителям. Теперь, как правило, все средства, кроме стоимости свадебного пиршества, идут на устройство дома и хозяйства молодых. Тем не менее с таким

обычаем нельзя мириться, поскольку денежные средства (определенная сумма) могут служить условием брака; в новом своем содержании этот обычай способствует развитию мещанского тщеславия: считается весьма престижным и платить и получать эту сумму. Приходится сталкиваться и с еще более отрицательным явлением, когда денежный взнос жениха остается у родителей девушки, а те не дают за ней даже самого необходимого, стремясь скопить средства на приобретение престижных вещей, например машины.

Таким же отрицательным обычаем является и приданое, если оно служит условием брака. В Средней Азии, например, при изучении свадьбы важно выяснять, на чьи средства приобретается приданое. Если на средства жениха, то это фактически скрытая форма калыма. Хочу подчеркнуть, что при анализе современного состояния обрядности необходимо выявить все изменения в традиционных и новых церемониалах в причинной взаимосвязи и динамике, изучить все их многообразные формы, а это требует фиксации обрядов разного исторического периода и с максимальной подробностью. Надо, разумеется, знать и отношение населения к тому или иному явлению в обрядности. Очень важно исследовать также распространенность новых гражданских ритуалов в разных социальных средах, у разных народов, выяснить, соблюдаются ли они параллельно с традиционным ритуалом, — это характеризует определенный этап формирования нового обряда. Следует обратить внимание и на отражение общественного ритуала или праздника (посвящение в рабочие, колхозники, получение паспорта и др.) в семейном быту, поскольку это свидетельствует о степени их внедрения в жизнь. Представляет интерес и этническая окраска новых праздников и обрядов: в каких формах они выражаются и что предпочитает население — обряд в традиционных формах или созданный общественностью в национальном стиле церемониал. Надо выяснить, как отражаются в обрядности этнические процессы: консолидационные (создание единых в рамках нации обрядов), интеграционные (включение в обрядовый комплекс общесоветских форм и элементов обрядности других народов).

При изучении обрядности очень важна фиксация разнообразной терминологии (названия самих обрядовых действий и лиц, выполняющих их); надо выяснять также, из какой категории лиц выбираются исполнители обрядовых действий при разных обстоятельствах. Это, в частности, позволит выявить пережитки многих институтов прошлого, например возрастных объединений, общины, родовой организации. Недостаточное внимание к этим вопросам в свое время привело к тому, что этнографы в некоторых регионах (например, в Средней Азии) просмотрели роль возрастных организаций в обрядовой жизни семьи, взаимоотношения последней с общиной и т. п. Теперь эти сведения практически утрачены.

Сбор такого подробного материала требует использования разных методов, в том числе и квалифицированного опроса информаторов. Очень содержательными бывают записи обрядов от главных действующих лиц — исполнителей и участников. Супруги, например, обычно помнят мельчайшие подробности своей свадьбы. Опрос разных возрастных категорий супругов может дать поэтапную картину развития обряда. Опрос женщин об их приданом, профессионально проведенный специалистами-этнографами в Средней Азии О. А. Сухаревой и А. К. Писарчик, дал датированные материалы по истории среднеазиатского костюма: информаторы помнили ткань, фасон, отделку костюма, все предметы приданого, а также кто и когда его отвозил и т. д. Так же как при изучении костюма полезно спрашивать, какую одежду следовало надевать в переходные моменты жизни человека: рождение, обрезание (у мусульман), свадьба и т. д., так и при изучении обрядовых церемоний важно знать, кому и какие подарки дарят на свадьбе и других торжествах (дарообмен — существенный элемент обрядности), в какой момент церемонии они вручаются, кто их готовит и т. д. Сбору подобного материала (и эффективности полевых этнографических работ в целом)

несомненно способствовали бы научно разработанные вопросники, которые должны быть максимально приближены к жизни изучаемого народа.

Л. Ф. Моногорова (Москва)

Разработка актуальных проблем этнографической науки невозможна без материалов полевых исследований.

Отрадно, что журнал организовал серьезное обсуждение важных проблем полевой работы. Открывшие дискуссию содержательные и интересные статьи С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой особенно своевременны в преддверии новой пятилетки, так как выполнение большинства наших научных планов полностью зависит от расширения и углубления полевой работы. Для ее проведения Институтом этнографии АН СССР и другими этнографическими учреждениями страны ежегодно организуются крупные экспедиции и небольшие отряды, групповые и индивидуальные выезды в зависимости от темы исследования, состава участников и сроков ее выполнения.

С. И. Вайнштейн и М. Н. Шмелева достаточно подробно осветили основные вопросы полевых исследований. На одном из них, самом, на мой взгляд, важном в методическом отношении, — выборе единиц наблюдения — я хотела бы остановиться.

М. Н. Шмелева считает универсальными два подхода: территориальный (основная единица наблюдения — территориальная общность: деревня, село, улица, квартал и т. п.) и производственный (основная единица наблюдения, как можно понять автора, — трудовой коллектив промышленных предприятий, учреждений, коллективных хозяйств) (с. 48).

Опыт моей многолетней полевой работы показал, что наиболее универсален все же «семейный» подход (основная единица наблюдения — семья), дающий исследователю возможность последовательно жить определенное время в нескольких семьях, различающихся по структуре (малых и неразделенных), по социально-профессиональной принадлежности ее членов, однонациональных и национально смешанных. В таких условиях постоянно используется метод непосредственного наблюдения, сопутствующий получению сведений путем опроса и бесед с информаторами разных поколений, разного пола, возраста, семейного положения, образования и т. д.

Будучи социальным явлением, первичной ячейкой общества, семья не может существовать и выполнять свои функции вне связи с ним. Поэтому в Средней Азии, например, общественное мнение сельской (кишлачной) общины в селе и квартальной (махаллинской) в городе, особенно в местах индивидуальной застройки, регулирует воспроизводство традиций в семье и включение различных инноваций в ее быт. Через семью исследователь легко выходит на другие единицы наблюдения — территориальную общность (квартал, селение и т. п.) и производство (колхоз, совхоз, лесхоз, промышленное предприятие, учреждение и т. д.).

Как известно, важным научным источником при выборе семей для проведения в них этнографических исследований являются домовые книги в городе и похозяйственные книги в сельских советах.

Впервые используя похозяйственные книги в 1947 г. при проведении полевых работ в долине Язгулема на Западном Памире, я получила богатый материал как по традиционной этнографии (перехитки патронимии и больших патриархальных семей, называемых на своем последнем этапе развития неразделенными), так и по многим вопросам этнографии современной семьи.

В городских условиях Средней Азии большую помощь при «семейном» подходе охотно оказывают Советы ветеранов войны и труда. Ветераны-старожила активно и заинтересованно включаются в работу, проявляя себя часто очень знающими информаторами.

Разумеется, и выделенные М. Н. Шмелевой в качестве универсальных «территориальный» и «производственный» подходы приводят, как она сама пишет, в семью, где сбор комплексных материалов чрезвычайно плодотворен, давно и успешно применяется этнографами, в том числе и при изучении современности, как в городе, так и в деревне (с. 49). Мне представлялось целесообразным лишь подчеркнуть универсальность и, если можно так выразиться, первичность именно «семейного» подхода, во многом обуславливающего эффективность исследования.

Конечно, в каждом этнокультурном регионе свои условия для проведения полевых работ, и поэтому различны приемы, способствующие приобщению этнографа к быту изучаемого населения. Непременным условием успешного их выполнения является, на мой взгляд, назначение начальником отряда (а не только экспедиции) опытного этнографа с достаточным полевым стажем.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что поднятые М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейном многие актуальные вопросы — от применяемых методов (беседы с информатором или группой их), приемов опроса (индивидуальных, выборочных либо проведения массового анкетирования) до технического оснащения экспедиций и отрядов — будут широко обсуждены этнографической общественностью. Давно назрела необходимость посвятить им специальную конференцию или выделить для этого время на одной из ближайших всесоюзных этнографических сессий (или симпозиумов).

Н. А. Томилов [Омск]

Вопросы, поднятые в статьях М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна, постоянно находятся в центре внимания этнографов и этносоциологов, занимающихся организационной экспедиционных работ. Обсуждение их на страницах журнала «Советская этнография» должно стимулировать дальнейшее развитие теории и методики полевых исследований.

В статье С. И. Вайнштейна большое место отведено рассмотрению вопроса о возможности изучения в современных условиях исчезающих или исчезнувших явлений традиционно-бытовой культуры. Он, несомненно, прав: сейчас сведения о них еще можно собрать и ликвидировать тем самым «белые пятна» в этнографии целых народов и регионов. Хотелось бы только заметить, что многие явления «старотрадиционной» (по терминологии С. И. Вайнштейна) культуры бытуют и теперь.

Значительную роль при изучении культурных комплексов и структуры бытовой культуры прошлого играют, как известно, воспоминания людей среднего и пожилого возраста, иначе говоря, народные знания о былом. Однако только по воспоминаниям старожилов, как показывает опыт, часто трудно, а иногда и невозможно правильно реконструировать то или иное явление. В 1960—1970-е годы работали экспедиции Омского и Томского университетов по изучению народной культуры сибирских татар, и в частности по восстановлению видов одежды, вышедших из быта. У барабинцев даже в пределах одного аула нам давали противоречивые описания, например, бешмета. Заказ на пошив такой одежды, как и поиск аналогий ей с помощью показа фотографий одежды других народов, ничего не дали. Знания о бешметах были уже очень расплывчатые и при строго критическом подходе не могли считаться достоверными. Однако нам повезло: в ауле Тебиссе мы приобрели для музея экземпляр старинного бешмета.

Представляется, что к народным знаниям по истории традиционно-бытовой культуры следует подходить не только с позиций того, какие сведения они могут дать о прошлом. Ведь сами эти знания — реалии сегодняшнего дня, ценная информация и о настоящем. Чтобы исследовать их роль в современной жизни этнических общностей, надо изучить преж-

де всего социальные функции этой сферы народной памяти. И тогда сразу станет ясно, насколько сильно этнически окрашена, пронизана этнической спецификой жизнь народов СССР.

Общезвестно, что отдельные черты традиционной материальной культуры в наши дни как бы переходят в область духовной культуры. Это проявляется, в частности, в сохранении сведений о них в народной памяти, в фольклорных сюжетах, в народном изобразительном искусстве. Национальные костюмы, используемые для художественной самостоятельности, имеются у многих народов. У сибирских татар, например, в некоторых семьях хранятся старинные вещи: различные предметы народной одежды, головные уборы, украшенные вышивкой, расшитые бусами и бисером, украшения, пояса, обувь, седла и др. Эти вещи берегут в память о старших поколениях, практическая же функция их утрачена полностью. Но ими часто любуются, показывают родным, соседям, знакомым, да и незнакомым людям. Иными словами, функции этих вещей изменились, теперь они удовлетворяют эстетические потребности людей и тем самым как бы перешли в сферу духовной культуры. Подобные явления тоже надо изучать в полевых условиях.

Границы между материальной и духовной сферами культуры в современной жизни народов нашей страны весьма расплывчаты, размыты. И это обстоятельство необходимо учитывать в полевой работе. Изучая явления материальной культуры, надо обращать внимание и на те их функции, которые отражают духовные стороны жизни людей. Иначе мы получим неполное или даже неверное представление о степени этничности культуры того или иного народа.

Хотелось бы поддержать и содержащийся в статье С. И. Вайнштейна призыв увеличить число экспедиций, работающих по комплексной программе (изучение всех сторон культуры). Десятилетний опыт работы Сибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета показывает, что в наши дни многие явления традиционной культуры можно исследовать в поле (хотя часть их исчезает безвозвратно) и получать достаточно массовые и, значит, репрезентативные материалы. Так, изучение народных знаний манси, сибирских татар, казахов, русских, украинцев и чувашей Западной Сибири значительно расширило наши представления о рациональных знаниях, о богатстве и разнообразии культуры этих этнических образований. Кроме того, сравнительно-генетический анализ довольно устойчивых знаний по народной медицине у сибирских татар позволяет, на наш взгляд, использовать эти материалы в качестве источника для изучения историко-культурных и этнических связей. Этот вывод следует считать пока предварительным для сибирских материалов в целом, так как до сих пор отсутствуют основательные исследования подобных знаний многих народов Сибири. Поэтому первоочередной задачей в области изучения народной медицины остается по-прежнему сбор материалов непосредственно в поле. Только после проведения такой работы у разных сибирских народов можно будет привлекать материалы по народной медицине в качестве полноценного источника для выделения этнокультурных ареалов в Сибири, для исследования этногенеза.

Авторы дискуссионных статей очень своевременно поднимают вопрос о необходимости совершенствования методики полевых исследований, разработок программ и вопросников. Необходим и широкий обмен опытом полевой работы, опытом организации обучения полевым методом студентов, аспирантов и молодых ученых. Этого можно достичь и публикацией сборников с программами и вопросниками. К сожалению, подобных изданий пока немного. В связи с этим мы обращаем внимание на три небольших сборника, подготовленных Омским университетом¹.

¹ Программы и вопросники по материальной культуре. Омск, 1978, 55 с; Программы и вопросники по духовной культуре. Омск, 1978, 42 с; Программы и вопросники по этнографии. Омск, 1979, 27 с. Омский университет планирует продолжить разработку методических материалов и приглашает этнографов-полевиков принять в этом участие.

Хотелось бы коснуться еще одного вопроса — о количественных изменениях, если можно так выразиться, в изучении бытовой культуры. Необходимо, на наш взгляд, организация многократных, периодически повторяющихся исследований одного и того же объекта (группы этносов, этноса, этнической группы, многонационального населения какого-либо региона и т. д.) на разных хронологических срезах, начиная с современности, которая на наших глазах становится историей, но содержит и зародыши будущего. Такие повторные этносоциологические исследования с использованием анкетирования и других методов сбора информации только начинают проводиться в нашей стране. Наш опыт повторного (мы его называем промежуточным) обследования сибирских татар дал возможность проследить развитие этнических и этносоциальных процессов в динамике (конец 1960-х — 1970-е годы). Выявление тенденций развития этих процессов, выход на их прогнозирование и научное управление ими станут более реальными и основательными, как нам представляется, именно в результате анализа материалов такого рода многократных этносоциологических и этнографических обследований.